

Глава 10. Наказание

Всплеск духовной энергии возвестил о чьём-то появлении. Чу Вэй почувствовал, что кто-то стоит рядом.

Хоть он и не мог его видеть, он знал — это Учитель. И, скорее всего, он смотрит на него с гневом.

Он повернул голову в сторону, его губы шевельнулись, но он не произнёс ни слова.

Здесь были посторонние, и он совсем не хотел, чтобы кто-то узнал о существовании Учителя.

Но Хуа Жун не собирался церемониться. Всё равно его никто, кроме ученика, не услышит. Он обрушил на Чу Вэя целый шквал упрёков.

— Я смотрю, ты совсем осмелел! Придумал тоже — жертвовать собой ради победы!

— Какое тебе дело до этих людей? Я растил тебя все эти годы, чтобы ты вредил себе ради этого сброда?

— Ты и впрямь возомнил о себе невесть что! Использовать собственную кровь в качестве проводника! У тебя её слишком много? Если так, иди сдай, больше пользы будет.

— Всё, чему я тебя учил, псу под хвост?

На обратном пути Чу Вэй шёл, не говоря ни слова, с ледяным выражением лица. Окружающие думали, что он просто в ярости и не хочет разговаривать.

На самом же деле, всю дорогу его отчитывал Учитель. Он не мог возразить, и от этого ему было и обидно, и горько. Не имея возможности высказаться, он лишь мрачнел всё больше.

Он молчал, и остальные тоже не смели заговорить. Они по очереди несли на себе потерявшего сознание старосту и молча шли вперёд.

Когда они вышли из леса и вернулись в деревню, уже стемнело. Но деревня не спала. В каждом доме горел свет — все ждали их возвращения.

У выхода из леса стояли дозорные. Заметив их силуэты, они тут же забили в медный гонг.

Оглушительный звон разнёсся по всей деревне.

Через мгновение у дома старосты собралась толпа, все теснились, пытаясь заглянуть внутрь.

Прошёл слух, что староста без сознания, его принесли на руках, и он выглядит таким же иссохшим, как и старик Чжан — страшно смотреть.

Однако ворота во двор были закрыты, и никого не пускали внутрь, так что никто не знал, что же на самом деле произошло в лесу.

Толпа ждала долго. Наконец, ворота открылись, но вместо того, чтобы хлынуть внутрь, все расступились, увидев вышедшего Чу Вэй с недовольным лицом.

Раньше кто-нибудь из старших непременно бы упрекнул его за невежливость — прошёл мимо старших и даже не поздоровался.

Но теперь никто не смел смотреть на него как на обычного подростка. В их взглядах читалось невольное благоговение.

Увидев его, толпа поспешно расступилась, освобождая широкий проход.

Один пожилой мужчина, известный на всю деревню своим крутым нравом и сварливым характером, которого мало кто осмеливался задевать, боясь нарваться на неприятности, сейчас, полный тревоги, но не смея повысить голос, выдавил из себя подобие добродушной улыбки и мягко спросил:

— Чу Вэй, как там староста?

При этом вопросе все взгляды устремились на него. Десятки глаз смотрели с ожиданием.

Чу Вэй, словно не замечая их, продолжал молча идти.

Это встревожило всех. Неужели со старостой... случилось худшее?

Когда он уже почти скрылся из виду, Чу Вэй остановился и обернулся.

Все затаили дыхание, ожидая его ответа. Но он лишь прикрыл грудь рукой, тихо кашлянул, раздражённо взъерошил волосы и бросил:

— Не мешайте мне спать.

Сказав это, он развернулся и ушёл.

Все переглянулись. Что это значит? Проблема решена или нет?

Ворота снова открылись, и на этот раз вышел Чэн Даню, понутив голову.

Чэн Даню — не Чу Вэй. Его тут же окружили, засыпая вопросами о состоянии старосты.

Чэн Даню был измотан. Целый день на ногах, он выбился из сил.

Он смотрел на эти лица, полные беспокойства, словно все они действительно переживали за старосту.

Но теперь Даню знал правду. Они беспокоились не за старосту, а за себя.

Внезапно его охватило раздражение.

Чэн Даню оттолкнул толпу и зло бросил:

— Не умрёт.

И, не оглядываясь, быстро скрылся в толпе, направляясь домой.

Все вздохнули с облегчением, но прежней тревоги уже не было.

Если уж староста, побывав в такой переделке, выжил, значит, и им ничего не грозит?

У каждого были свои мысли на этот счёт.

А Чу Вэй в это время стоял лицом к стене, отбывая наказание.

За его спиной проступил неясный силуэт.

Высокий, статный, в развевающихся одеждах, с длинными, рассыпавшимися по спине волосами. От него исходила аура почти осязаемого могущества.

— Понял, в чём твоя ошибка?

В душе Хуа Жуна всё ещё кипел гнев. Он и не подозревал, что его маленький ученик способен на такое самопожертвование.

Чу Вэй поджал губы и молчал, но на сердце у него было очень горько.

Учитель никогда так с ним не разговаривал. Обычно он был строг, но не так, как сегодня — ворчал и отчитывал его всю дорогу.

Ему было обидно, грудь болела, в горле першило. Время от времени он сдерживал кашель, стараясь облегчить боль в лёгких.

Хуа Жун смотрел на него, и слова застревали у него в горле.

Маленький ученик, понутив голову, стоял лицом к стене, не смея слова сказать, даже кашлял приглушённо. Этот вид вызывал одновременно и гнев, и жалость.

Он был его учеником, он вырастил его. Как бы он ни злился, он не мог видеть его в таком состоянии.

Хуа Жун смотрел на него долго, и гнев постепенно утихал.

— Если ранен, почему не лечишься?

Обиженный юноша, услышав это, надул губы и тихо пробормотал:

— Это вы велели мне здесь стоять.

И снова закашлялся.

Хуа Жун едва не задохнулся от возмущения.

— Медитируй, восстанавливай дыхание, — фыркнул он. — Когда поправишься, я с тобой разберусь.

— Ох, — отозвался Чу Вэй и медленно повернулся. В тот же миг он увидел перед собой высокий, но расплывчатый силуэт.

Его глаза вспыхнули. Он хотел рассмотреть получше, но Учитель не дал ему такой возможности, тут же исчезнув.

Чу Вэй закрыл глаза, пытаясь запечатлеть этот образ в памяти.

Хоть это был лишь смутный силуэт, но он смог увидеть Учителя. Если он будет стараться, очень

стараться, однажды он сможет увидеть его по-настоящему.

От этой мысли обида улетучилась. Он быстро забрался на кровать, сел, скрестив ноги, и начал медитировать, восстанавливая дыхание по методу, которому его научил Учитель.

Так он просидел всю ночь, до самого рассвета. Когда первые лучи солнца проникли в комнату, он медленно выдохнул.

Грудь ещё немного побаливала, но по сравнению со вчерашним днём стало гораздо лучше, дышать было легче.

Ещё несколько дней такой медитации, и он полностью поправится.

Чу Вэй бодро поднялся, собираясь приготовить завтрак.

В скромной гостиной дедушка уже сидел в тени дерева у входа и ел кашу, наслаждаясь утренней прохладой.

Чу Вэй хотел было что-то сказать, но, подняв голову, увидел за воротами толпу спящих туда-сюда голов.

Не нужно было и гадать, чтобы понять — это те же, что и вчера.

Он раскрыл ладонь. Прозрачный стеклянный шар теперь был иссиня-чёрным. Внутри метались души, беспрестанно ударяясь о стенки в попытке вырваться.

Приглядевшись, можно было различить искажённые от ярости лица, готовые, казалось, в любой момент поглотить всё живое.

Он сжал руку, и шар исчез.

Чу Вэй не обратил внимания на толпу за воротами. Умывшись, он взял миску с кашей и сел рядом с дедушкой.

С тех пор как он себя помнил, он жил с этим стариком. Дедушка вырастил его. Кроме Учителя, это был самый близкий ему человек.

У Чу Вэя почти не было воспоминаний о раннем детстве. До встречи с Учителем он упал со склона горы и многое забыл. Вся его память начиналась с этой маленькой деревни.

Его родители постоянно были на заработках и приезжали лишь на праздники, привозя с собой

деньги. В остальное время он их не видел.

В деревне был всего один телефон, в магазинчике у въезда, и он звонил родителям только в случае крайней необходимости.

Таких детей, как он, в деревне было много, и Чу Вэй не видел в этом ничего необычного.

Но теперь срок жизни дедушки подходил к концу.

Чу Вэй ел, и вдруг спросил:

— Дедушка, вы помните тот большой пожар в доме семьи Ван, двадцать лет назад?

Дедушка был уже стар и плохо слышал, но этот вопрос он расслышал отчётливо.

Старик, должно быть, уже о чём-то догадался. Он отложил палочки, вздохнул и, глядя куда-то вдаль, тихо проговорил:

— Грех, всё это грех.

Чу Вэй молча доел свою кашу. На душе было горько.

— Хотя я и не участвовал, — медленно продолжал старик, — но... я и не пытался остановить. Разве это не делает меня соучастником?

Чу Вэй резко поднял голову.

— Дедушка, вы не участвовали?

Дедушка покачал головой.

— Тебя тогда ещё не было. Твоя бабушка была жива, но болела. Дети были далеко. Она не могла оставаться одна, и я ни на шаг от неё не отходил. Какой уж там бежать за каким-то драгоценным нефритом.

— Да и не в том дело. Что с того, что нашёл? Разве оно твоё станет? Нежданное богатство всегда приносит беду.

И ведь принесло.

Дедушка смутно помнил, как стоял в своём доме и, глядя через реку на зарево, осветившее всю деревню, чувствовал, как холодеет у него на сердце.

С тех пор он стал реже выходить из дома.

Людские сердца холодны. Перед лицом выгоды кто разберёт, где человек, а где зверь?

Старик говорил медленно. Чу Вэй, дослушав, вздохнул с облегчением.

Он быстро убрал посуду, сказал дедушке, что уходит, и собрался выйти.

Старик окликнул его. Помолчав, он тихо сказал:

— Береги себя. Возвращайся пораньше.

— Дедушка, я знаю.

Ворота открылись, и он тут же столкнулся с десятками пар глаз.

После того как Чу Вэй вчера сказал, чтобы его не беспокоили, никто не решался стучать, но все ждали его у ворот.

Впереди всех стоял сын старосты, приехавший ночью из города.

Он был одет не так, как деревенские. Несмотря на летнюю жару, на нём была белая рубашка и чёрные брюки. Весь его вид, с головы до ног, выдавал в нём столичного жителя, представителя элиты.

Должно быть, он долго ждал, и на его лице читалось явное нетерпение.

Увидев Чу Вэя, он с сомнением спросил:

— Это и есть тот, у кого, как вы говорите, есть способности?

<http://bllate.org/book/16969/1582591>